

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Чуйков Павел Львович,

*аспирант кафедры русской литературы,
ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»,
ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, 119435 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: chuikovpav@yandex.ru*

**СУД БОЖЕСКИЙ И СУД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
В ИДЕЙНОЙ СТРУКТУРЕ «ВЫБРАННЫХ МЕСТ
ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ» Н. В. ГОГОЛЯ
И РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

Аннотация: В статье исследуется вопрос о влиянии Н. В. Гоголя на мироощущение и поэтику Ф. М. Достоевского. Сопоставление произведения Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» с романом «Братья Карамазовы» Достоевского позволяет выявить новые грани творческого диалога писателей и заполнить некоторые исследовательские лакуны проблемы «Гоголь–Достоевский». В работе прослеживается развитие Достоевским мыслей Гоголя не только о необходимости справедливого и честного судебного разбирательства, но и о неизбежности Божеского суда — об ответственности человека перед людьми и Богом. Есть основания утверждать, что именно вслед за Гоголем на примере братьев Карамазовых Достоевский показывает, что правый и виноватый должны взглянуть на себя, почувствовать свою вину, раскаяться и по-христиански простить друг друга. Слова же старца Зосимы о том, что каждый человек перед всеми виноват за всех, — продолжение размышлений Гоголя, будто нет правого человека, а прав только Бог. Таким образом, устанавливается, что, работая над романом «Братья Карамазовы», Достоевский обращался к «Переписке» Гоголя, размышляя над религиозно-философской проблематикой этой книги.

Ключевые слова: Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями», Достоевский, «Братья Карамазовы», суд, вина.

Большинство исследователей (Ю. Н. Тынянов, Г. М. Фридендер, А. В. Архипова и др.) единодушно сходятся во мнении, что Ф. М. Достоевский до конца жизни так и не принял книги Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», оставшись в этом вопросе верным последователем В. Г. Белинского. Тем не менее ряд учёных видит развитие некоторых идей поздней публицистики Гоголя в произведениях его ученика, созданных уже после ссылки.

Так, И. П. Золотусский считает, что в романах «Преступление и наказание», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» Достоевский борется с «гордыней ума», против которой первым выступил Гоголь: «Разве не про Ивана

© Чуйков П. Л., 2015

Карамазова и Ставрогина сказано в «Переписке»: «Ничему и ни во что он не верит; только верит в один ум свой?» [7, с. 367].

В. А. Викторович, анализируя письмо Достоевского, написанное брату Михаилу после каторги, акцентирует внимание на сходстве писателей в отношении к своему ремеслу, точнее в обращении со словом: «...я положил и поклялся, что теперь ничего необдуманного <...> не напечатаю, что с художественным произведением шутить нельзя, что надобно работать честно...» Эти слова — возможно, парафраз на тему Гоголя, который <...> писал: «Обращаться с словом нужно честно <...> Беда произносить его писателю в те поры <...> когда не пришла еще в стройность его собственная душа...» Позднее в «Братьях Карамазовых» в речи прокурора отчетливо всплывает гоголевская фраза: «...со словом, господа присяжные, надо обращаться честно...» [2, с. 224].

Из приведённых выше цитат следует, что некоторые мысли Гоголя не просто нашли отражение в идеологии Достоевского, но и были развиты в его итоговом произведении — романе «Братья Карамазовы», что не удивительно, ибо незадолго до начала работы над книгой в «Дневнике писателя» Достоевский признаётся, что многое в «Выбранных местах» написано искренне и неправильно видеть там одни уклонения [см. об этом: 6].

Вспомним, что одной из идей Гоголя, изложенных в «Переписке», была мысль о справедливом, честном судебном разбирательстве: «Один суд должен быть человеческий. На нем оправдайте правого и осудите виноватого. <...> Другой же суд сделайте Божеский. <...> одного укорите, зачем не простил своему брату, как повелел Христос, а другого попрекните, зачем он обидел самого Христа в своем брате <...>» [3, с. 423]. Гоголь говорит здесь об ответственности человека перед людьми и Богом. И правый, и виноватый должны сначала взглянуть на себя, осознать свою вину, раскаяться и по-христиански простить друг друга.

Белинский критически отнёсся к такому взгляду на правосудие, что и высказал писателю в своём письме: «А Ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли Вы в словах глупой бабы в повести Пушкина (в «Капитанской дочке». — *П. Ч.*), и по разуму которого должно пороть и правого и виноватого? Да это и так у нас делается вчистую, хотя чаще всего порют только правого <...>» [1, с. 389]. Критик не верит в возможность Божеского суда, потому что из-за процветающего взяточничества виновный всегда может откупиться от наказания. Значит, ему далеко и до раскаяния, он о нём даже не задумывается.

А какую позицию занял в этом споре Достоевский? Мы можем узнать это, обратившись к роману «Братья Карамазовы». Вспомним, что в центре его повествования — история семьи провинциального дворянина Фёдора Павловича и четырёх его сыновей — Дмитрия, Ивана, Алёши и Павла Смердякова (лакея в их доме, незаконнорождённого сына от безумной Лизаветы Смердящей). Совершается преступление: глава семейства, которого старший сын Митя называет развратным сладострастником и подлейшим комедиантом, убит.

На Дмитрия и падает подозрение, — избив однажды отца, он так ответил на упрек Ивана: «...не убил, так еще приду убить. Не устережете!» [5, I, с. 191] И это

не единичный случай. Ранее, в келье старца Зосимы, Митя в гневе задаётся вопросом: «Зачем живет такой человек! ... скажите мне, можно ли еще позволить ему бесчестить собою землю ...» [5, I, с. 112].

И не только слова, но и поведение Дмитрия наводит на мысль, что он хочет совершить убийство. Это становится заметно окружающим, например, когда Митя взял медный пестик из ступки, Феня воскликнула, что он хочет кого-то убить. Был у старшего брата и повод для убийства — ревность и материальная нужда. О них Дмитрий сам говорит на допросе: «...тот пакет с тремя тысячами, который, я знал, у него (у отца. — П. Ч.) под подушкой, приготовленный для Грушеньки, я считал решительно как бы у меня украденным, вот что, господа, считал своим ...» [5, II, с. 161].

Всё указывает на то, что преступник — старший из братьев. Но, несмотря на это, Дмитрий отрицает свою причастность к убийству: «...в глубине сердца своего виновен <...>, это уже вас не касается, эти глубины-то сердца то есть... Но в убийстве старика отца — невиновен!» [5, II, с. 160].

Кто же тогда совершил преступление? Или, может, кто-то умело руководил поступками Мити? Например, брат Иван со своей теорией, будто без бессмертия нет и добродетели, которую он изложил у старца Зосимы? Дмитрий сам честно рассказал про специальные условные сигналы, изобретённые Фёдором Павловичем для Смердякова, без которых хозяин не открыл бы дверь. У прокурора в связи с этим возникла новая версия, не Смердяков ли, воспользовавшись знаками, проник в дом и убил старика? Действительно, впоследствии Павел в беседе с Иваном признаётся, как он смертельно ударил отца чугунным пресс-папье. Исследователь Е. Г. Чернышева делает существенное замечание на этот счет: «Смердякова автор наделяет оправдательным мотивом: ведь в убийстве Федора Павловича пусть не возмездие, но месть за поруганную и униженную мать, за позор своего собственного ложного, межеумочного существования сына-лакея» [9, с. 320].

Но один ли Смердяков виновен в этом преступлении? Является ли он истинным убийцей? Ведь Достоевский не ставил перед собой задачи написать детектив. Он поднимает важный вопрос об ответственности каждого не только за содеянное, но и за преступные помыслы и равнодушие. Поэтому в упомянутом нами разговоре с Иваном слуга скажет: «...про убийство вы знали-с и мне убить поручили-с, а сами, все знавши, уехали. <...> главный убивец во всем здесь единый вы-с, а я только самый не главный, хоть это и я убил» [5, II, с. 351]. Так автор заставляет читателя задуматься о Божеском суде, о необходимости которого говорил Гоголь.

У Смердякова есть основания упрекать Ивана, ведь после избиения Дмитрием Фёдора Павловича, когда старший сын чуть не убил своего отца, Иван злобно произносит: «Один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога!» [5, I, с. 192]. Даже Алеша признаётся позже, что подумал тогда, будто Иван не просто хочет, чтобы Дмитрий убил отца, но и готов способствовать этому.

А человек отвечает не только за свои поступки, но и за помыслы, в чём мы убедились на примере самоосуждения и раскаяния Мити в желании убить отца. Гоголь, например, призывает каждого не гневаться на ближнего, помириться с теми,

кого не любил или ненавидел, «ибо без этого он будет мертв для всех следующих священнодействий, по слову Самого Христа: “Остави дар свой и шед прежде примирись с своим братом и тогда принеси жертву Богу”; и в другом месте: “Аще кто речет: люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть: ибо нелюбяй брата своего, егоже виде, како может любить Бога, Егоже не видя?”» [4, с. 611].

Но богоборец Иван чужд такой точки зрения Гоголя, он не верит в высшую справедливость и отказывается от гармонии: «...если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены» [5, I, с. 317].

Иван со своей идеей будто «все позволено» и толкает Смердякова на преступление: «...коли бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели, да и не надобно ее тогда вовсе. Это вы вправду. Так я и рассудил. <...> Вашим руководством-с» [5, II, с. 358].

Ведь Иван уезжает в Чермашню, зная о том, что в доме произойдет трагедия. Он буквально получает заверение в этом от Павла: «Я уеду, и у вас вот что произойдет. — Иван Федорович с трудом переводил дух.

— Совершенно верно-с, — тихо и рассудительно проговорил Смердяков ...» [5, I, с. 351].

Подтверждение преступных намерений Ивана мы можем встретить в его собственных словах, обращенных к брату Алёше: «Дмитрий ворвался в дом и избил отца, и я потом сказал тебе на дворе, что “право желаний” оставляю за собой, — скажи, подумал ты тогда, что я желаю смерти отца или нет? <...> Оно, впрочем, так и было, тут и угадывать было нечего» [5, II, с. 334]. А ведь старец Зосима предупреждал, что нельзя судить себе подобных.

По мнению К. В. Мочульского, трое сыновей Фёдора Павловича представляют собой некое духовное единство: «...братья, каждый по-своему, переживают единую трагедию, у них общая вина и общее искупление. <...> Убийственная мысль Ивана превратилась в *разрушительную страсть* Дмитрия и в *преступное действие* Смердякова. Они виноваты активно, Алёша — пассивно. Он знал — и допустил, мог спасти отца — и не спас» [8].

Действительно, старец Зосима беспокоится за Митю и несколько раз предупреждает Алексея о надвигающемся несчастье: «Может, еще успеешь что-либо ужасное предупредить. Я вчера великому будущему страданию его (Дмитрия. — П. Ч.) поклонился» [5, I, с. 364]. Или ранее: «Около братьев будь. Да не около одного, а около обоих» [5, I, с. 116].

Но Алёша не смог предотвратить беды и всю жизнь сожалел, что забыл о Дмитрие и не разыскал его. Алексей винит себя, руководствуясь словами старца Зосимы: «...не может быть на земле судья преступника, прежде чем сам сей судья не познает, что и он такой же точно преступник, как и стоящий пред ним, и что он-то за преступление стоящего пред ним, может, прежде всех и виноват» [5, I, с. 407].

Достоевский в данном случае подхватывает и развивает идею автора «Выбранных мест», что «нет человека правого и что прав один только бог. Эта мысль, как

непреложное верование, разнеслась повсюду в нашем народе» [3, с. 424]. Отсюда и мысль старца Зосимы: «...воистину всякий пред всеми за всех виноват...» [5, I, с. 380]. Вот только Достоевский устами всё того же мудрого старца подчёркивает, что люди этого не знают, значит, всё-таки не повсюду распространилось это верование, как полагал Гоголь.

Небольшое проведённое исследование позволяет сделать вывод, что Достоевский не просто солидаризуется в некоторых вопросах с автором «Переписки», но и опирается на её основные тезисы при создании вершины своего творчества — романа «Братья Карамазовы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Белинский В. Г.* Письмо к Н. В. Гоголю 15 июля н.с. 1847 г. Зальцбрунн // Русская критика от Карамзина до Белинского. М.: Дет. лит., 1981. С. 386–394.
- 2 *Викторович В. А.* Гоголь в творческом сознании Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1997. Т. 14. С. 216–233.
- 3 *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями // *Гоголь Н. В.* Ревизор. М.: ЭКСМО, 2009. С. 253–522.
- 4 *Гоголь Н. В.* Размышления о Божественной Литургии // *Гоголь Н. В.* Ревизор. М.: ЭКСМО, 2009. С. 573–637.
- 5 *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы: в 2 т. М.: Правда, 1991. Т. 1. 416 с. Т. 2. 529 с.
- 6 *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1983. Т. 25. 467 с.
- 7 *Золотусский И. П.* Гоголь (ЖЗЛ. Серия биографий). М.: Молодая гвардия, 2009. 485 с.
- 8 *Мочульский К. В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 604 с.
- 9 *Чернышева Е. Г.* Ф. М. Достоевский // История русской литературы XIX века: в 3 ч. М.: ВЛАДОС, 2005. Ч. 3 / А. П. Ауэр и др.; под ред. В. И. Коровина. С. 266–324.

* * *

Chuikov Pavel L'vovich,

*Post-graduate student of Russian literature,
FSBEI HPE «Moscow State Pedagogical University»,
Small Pirogovskaya str. 1, build. 1, 119435 Moscow, Russian Federation
E-mail: chuikovpav@yandex.ru*

**DIVINE COURT AND HUMAN COURT IN THE IDEOLOGICAL
STRUCTURE OF THE «SELECTED PASSAGES
FROM THE CORRESPONDENCE WITH FRIENDS»
BY N. V. GOGOL AND NOVEL «THE BROTHERS KARAMAZOV»
BY FYODOR DOSTOEVSKY**

Abstract: This article deals with the influence of Gogol on poetics and attitudes of Fyodor Dostoyevsky. A comparison of the works of Gogol «Selected Passages from the Correspondence with Friends» with the novel «The Brothers Karamazov» by Dostoevsky reveals new facets of creative dialogue of writers and fills in some gaps of research problem «Gogol – Dostoevsky». The paper traces the Dostoevsky development of Gogol's thought about the need for not only just and fair trial, but also the inevitability of the divine court — human responsibility before God and man. There is evidence that Dostoevsky followed Gogol when he showed that the innocent and the guilty should look at themselves and feel guilty, repent and be Christian to forgive each other on the example of brothers Karamazov. The words of Elder Zosima that each person is personally guilty before all and for all, — is a continuation of Gogol's idea that no man is right, God alone is right. Thus, it has been established that while working on the novel «The Brothers Karamazov», Dostoevsky turned to the «correspondence» by Gogol, reflecting on the religious and philosophical issues of this book.

Keywords: Gogol «Selected Passages from Correspondence with Friends», Dostoevsky «The Brothers Karamazov», the court, guilt.

REFERENCES

- 1 Belinskii V. G. Pis'mo k N. V. Gogoliu 15 iulia n.s. 1847 g. Zal'tsbrunn [A Letter to N.V. Gogol, July 15, 1847, Salzbrunn]. *Russkaia kritika ot Karamzina do Belinskogo* [Russian criticism from Karamzin to Belinsky]. Moscow, Det. lit. Publ., 1981, pp. 386–394.
- 2 Viktorovich V. A. Gogol' v tvorcheskoi soznanii Dostoevskogo [Gogol in the creative mind of Dostoevsky]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky. Materials and Research]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 14, pp. 216–233.
- 3 Gogol' N. V. Vybrannye mesta iz perepiski s druž'iami [Selected Passages from Correspondence with Friends]. Gogol' N. V. *Revizor* [The Inspector-General]. Moscow, EKSMO Publ., 2009, pp. 253–522.
- 4 Gogol' N. V. Razmyshleniia o Bozhestvennoi Liturgii [Reflections on the Divine Liturgy]. Gogol' N. V. *Revizor* [The Inspector-General]. Moscow, EKSMO Publ., 2009, pp. 573–637.

- 5 Dostoevskii F. M. *Brat'ia Karamazovy: v 2 t.* [The Brothers Karamazov: in 2 vol.] Moscow, Pravda Publ., 1991. Vol. 1. 416 p. Vol. 2. 529 p.
- 6 Dostoevskii F. M. *Dnevnik pisatel'ia* [Diary of the writer]. Dostoevskii F. M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works in 30 vol.] Leningrad, Nauka Publ., 1983. Vol. 25. 467 p.
- 7 Zolotusskii I. P. *Gogol' (ZhZL. Seriya biografii)* [Gogol (Life of Famous People. A series of biographies)]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. 485 p.
- 8 Mochul'skii K. V. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii* [Gogol. Soloviev. Dostoevsky]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 604 p.
- 9 Chernysheva E. G. F. M. Dostoevskii [Dostoevsky]. *Istoriia russkoi literatury XIX veka: v 3 ch.* [History of Russian literature of the XIX century: in 3 parts.] Moscow, VLADOS Publ., 2005, part 3, A. P. Auer i dr.; ed. V. I. Korovina, pp. 266–324.